

Нурбой ЖАББОРОВ

МЕЖ ДВУХ МЕЧЕЙ...

Сирожиддин Саййид в мастерской великого Навои

Открытия Алишера Навои – властелина в мире художественного творчества – на протяжении почти шести столетий одухотворяют литературно-эстетическое мышление нашего народа и обуславливают его дальнейшее совершенствование. Это творческое влияние обнаруживается в воссоздании самого образа великого мыслителя в произведениях различных литературных жанров, в продолжении и обновлении его творческих традиций, в использовании *тазминов*¹ и *татаббу*² на произведения великого поэта, в написании *тахмисов*³ к его газелям.

Обращение к творческой лаборатории великого поэта, усвоение образцов его поэтической школы, или, по выражению Максуда Шейхзаде, «мастерской великого мастера», служат совершенствованию поэтической формы и углублению содержания, созданию новых образов, то есть совершенствованию самого художественно-эстетического мышления. Нельзя не заметить влияние великого Навои на творчество Айбека и Гафура Гуляма, Абдуллы Арипова и Эркина Вахидова, Рауфа Парфи и Амана Матчана – поэтов и писателей, представляющих современный литературный процесс. Освоение творческих открытий Навои, стремление следовать им в художественном творчестве во многом обусловили рост и развитие литературы всех периодов, последовавших после эпохи нашего великого предка, что способствовало совершенствованию поэтического мышления, расширению масштабов творчества авторов. Автор статьи на примере творчества Сирожиддина Саййида попытался обозначить формы и эстетические рамки преемственности в современной узбекской поэзии.

---

1 Тазмин – цитирование известных строк из какого-либо произведения, обладающих силой воздействия афоризма, подтверждающих, доказывающих или продолжающих мысли и чувства поэта.

2 Татаббу – создание текстов по мотивам произведений предшественника.

3 Тахмис – пятистишие, в котором к каждому бейту чужой газели добавляются три оригинальные строки.

Нурбой ЖАББОРОВ родился в Кашкадарьинской области в 1966 г. Окончил факультет узбекской филологии ТашГУ (ныне НУУз) в 1990 г. Доктор филол. наук, профессор. Автор нескольких монографий, учебных пособий, учебника и множества научных и научно-популярных статей, многие из которых опубликованы в ведущих журналах США, России, Китая, Турции, Индии, Азербайджана, Южной Кореи, Малайзии и Казахстана.

Эстетический мир Алишера Навои – бесценное сокровище, и любой поэт или писатель, прикоснувшийся к этому сокровищу, несомненно, обогатится и возвысится, о чем свидетельствует исследование влияния творческого опыта Навои на развитие поэзии Народного поэта Узбекистана Сирожиддина Саййида, особенно заметно проявившееся в пяти аспектах:

- написание *тазминов* на стихи А. Навои;
- написание стихов о значимости постижения творчества великого поэта как важного фактора духовного совершенствования поколения;
- продолжение художественных традиций А. Навои в произведениях классических жанров;
- возрождение традиции *арбаин*, то есть написания стихов с содержанием из хадисов;
- создание тахмисов к газелям великого предшественника.

Таким образом, независимо от доминирования художественного направления и современных поэтических форм, уроки великого мыслителя, усвоение его художественных открытий оказали значительное воздействие на творческое развитие Сирожиддина Саййида.

Фархад-каменолом с вершин поэзии

Писать тазмины на стихи Алишера Навои – работа не из простых. Для этого необходимо изучить творческий опыт великого поэта, извлечь из него уроки; не повторяясь, суметь создать оригинальные поэтические образцы. По определению Атауллы Хусайни, в тазмине «поэт для достижения своей цели пользуется одной строкой, или одним бейтом (двустушием), или же двумя бейтами предшественника и для подтверждения смысла приводит их подобно пословицам». В отличие от тазминов, созданных предшественниками-классиками, Сирожиддин Саййид в цикле «Удивляющая “Хамса”» приводит тазмин-бейты не внутри стихотворения, а отдельно – как эпиграфы. Тазминный бейт или несколько бейтов придают пафос, подсказывают поэту направляющие идеи, служат основой для новых интерпретаций.

«Удивляющая “Хамса”» – цикл, открывший новую страницу в поэзии Сирожиддина Саййида. Создавая тазмины на впечатлившие его строки великой «Пятерицы», он предлагает выразительную интерпретацию своих лирических переживаний в сочетании с размышлениями философского характера. Под влиянием *муножатов* (текстов-молений и обращений к Всевышнему о прощении) в «Смятении праведных» Алишера Навои цитирует нижеприведенные строки из «Первого муножата»:

*Твое начало – навеки вечное,
Твоя исконность – бесконечная вечность.
Что было с Тобою в начале начал,
Что пришло к Тебе в конце, в итоге?
Начало – Ты, конец и середина – Ты,
Всего Создатель, всему причина – Ты.¹*

Известно, что эти строки, тонко восхваляющие Аллаха, воплощают в себе истины, касающиеся *акоид* (науки веры). Понятно, что современным поэтам не

¹ Здесь и далее в статье используется подстрочный перевод Нодиры Халиковой.

только писать тазмины на такие строки, но даже понять смысл, скрывающийся в них, не всегда под силу. Таким образом, поэтическое созидание Сирождидина Саййида свидетельствует о том, насколько высока его преданность творчеству Алишера Навои, а главное, о том, насколько стремление писать стихи такого рода является не просто интересом и проверкой сил, но следствием овладения крепкими научно-философскими и эстетическими основами. Тазмин, написанный по строкам, взятым из первого муножата «Смятения праведных», подтверждает это:

*Ты Сам древнее вечности,
Исконность – Ты же Сам...*

*Каждый листок прославляет Тебя,
Каждый росточек молится Тебе...*

*Ты вновь проявляешься во всем скрытом,
Во всем возникшем Ты Сам – чудо.*

*Ты Сам Милосердие и Щедрость,
Ты Сам и чудо, и благосклонность...*

*Ты Сам начало без начала,
Бесконечный, безграничный – Ты Сам.*

Эти тазмины-бейты, восходящие к муножату великого Навои, ценны тем, что, во-первых, во всем соответствуют понятиям *акоид*, во-вторых, полностью соответствуют критериям классической поэзии и, в-третьих, исполнены подлинного вдохновения и возвышенного чувства.

Цитируя строки из главы, посвященной Низами Гянджеви в «Смятении праведных», С. Саййид восхищается строками: «*Копать гору горечи – его ремесло, // Гора же – кирка его поэзии и его речи*». По словам поэта, гора поэзии не есть райский сад, ее нельзя сравнить ни с прекрасным берегом, ни со степным песком, ни с цветочными объятиями сада. Ценность этого сравнения в своеобразном обновлении поэтического рассуждения Навои: «*Трудясь здесь, как Фархад-каменолом, // Творцы поэзии дни и ночи копают слово*». Так подчеркивается сложность труда, невероятные усилия поэта при «раскопке» слова в поэзии:

*В этом нет удовольствия, нет покоя,
Лишь мучают [поэты] душу и тело.
Свои сердца и души превратив в чашу,
Поэты испивают лишь кровь души.*

Чтобы добиться ожидаемых результатов в процессе творчества, необходимо трудиться так, чтобы не чувствовать разницы между ночами и днями. Да и этого недостаточно: нужно уметь получать наслаждение от подобного труда. Естественно, добиться этого весьма сложно:

*Копать несладко слова-камни,
Когда не будет разницы меж ночами и днями,*

*Тогда стихи в их красках и созвучиях
Создадут травы, ручьи.*

Нелегко быть Фархадом в горах поэзии. Доказательством тому является бесследное исчезновение стольких людей, прошедших через эти ущелья и пещеры и пропавших без вести. Но, как ни удивительно, тысячи лет не перестают важничать болтливые попугаи-подражатели. На поэтических дорогах много непроходимых лесов, зарослей, достаточно тигров и оленей. Каждая очарованная душа, испытывавшая муки поиска слова, получает ожоги, подобные черным тычинкам алых тюльпанов. Кто-то, стремящийся взойти на вершины, будет осыпан золотом, кто-то удовлетворится лишь пылью. *«За каждый камень здесь отдают жизнь, // Каждый род и каждое имя вписываются кровью»*, – ни в одном стихотворении другого поэта созидание не трактуется так, как у С. Саййида:

*Возвышается гора над головой,
Душа как молот, а язык – топор.
Сквозь раздробленные минералы и кремни
Проступает тысяча одно испытание и растерянность.*

*Кто ищет мумию, кто сгребает снег...
Небо над горами безмерно и лазурно.
Улыбаются с вершин высоких нам
Низами, Дехлави, Джамии и Навои.*

Если Навои сравнивал поэзию с горой горечи, а язык великого Низами с топором, то С. Саййид, сравнивая сердце с молотом, замечательно выражает суть творческого состояния, не повторяя своих великих предшественников. Поэт оглядывается на Навои с искренней преданностью, чистой душой, творческим восторгом и восхищением. Не будет преувеличением, если Сирожиддина Саййида, получающего бесценные уроки творчества у великого Навои, мы уподобим в каком-то смысле каменолому Фархаду в горах поэзии.

В классической поэзии существует понятие *«матбуь-стих»*, предполагающее определенные строгие требования к поэтическим созданиям. В своем произведении «Бадойиус-санойи» Атаулла Хусайни отмечает: «Матбуь (т. е. “приятный”) – это такие широко распространенные в народе стихотворения, которые основываются на гармонической метрике, правильной рифме и мелодическом благозвучии. Смысл их ясный и позитивный, не затрудняющий сердца людей. Какие бы поэтические приемы не использовались, они высокого уровня, не разрушают изящества, свободны от многословия, допускаясь древними поэтами». Тазмины С. Саййида в цикле «Удивляющая “Хамса”» с точки зрения выполнения этих требований вполне соответствуют матбуь-стихам.

Навои – вершина совершенства

Наша нация многое потеряет, если не постигнет художественное совершенство великого Алишера Навои. Если мы не обратимся к его мудрости, то не достигнем истинного просвещения. Новые поколения, не впитав произведений Навои, не смогут вырваться из тисков невежества. Сирожиддин Саййид в своем творчестве опирается на достижения великого предшественника, что является необходимым условием совершенствования нового поколения. Одно из

своих стихотворений поэт назвал «Читая Навои». «Каждая голова людская должна бояться невежества. // Каждый молодой человек, каждое дитя должны перечитывать Навои». Поэт считает своим долгом предупредить, что, не познав таких великих творцов, как Навои, можно скатиться лишь к невежеству:

*Каждый отец, каждый старец,
Проявляя мудрость жизни,
Должен перерезать аркан прихотей
Чадам своим и внукам своим,
Читать Навои должны они.*

Сирожиддин Саййид – созидатель, глубоко осознавший и душою прочувствовавший гениальность великого Навои. По мнению поэта, светлое имя великого прадеда озаряет наш повседневный мир, очищает каждое сердце любовью, благодаря чему народ становится нацией:

*Каждое сердце чисто и благородно
в любви сегодня, в этот день,
Каждое слово в мире станет
украшением сегодня, в этот день.
В сей мрачный мир проливает свет
даже одно осиянное имя твое,
Благодаря имени твоему народ
становится нацией в этот день.*

(Автор говорит о дне рождения великого поэта.)

Перенос строк в стихотворении – это поэтический прием, позволяющий поэту подчеркнуть главную мысль и усилить воздействие слова.

В стихотворении «Мир Алишер» поэт воспеваает Навои, называя его зарей жизни, светом величия. С. Саййид отмечает заслуги Навои в развитии тюркского языка и литературы («Мир во мраке стал явственным, // Навои – тюрков рассвет») и конкретно определяет его место в развитии просветительского и эстетического мышления: «Мир – сон пяти веков, Навои же – явь пяти веков». По его словам, Навои – явление, у которого нет ни начала, ни конца. Времена идут, Навои всегда остается актуальным. В финале стихотворения важный художественный вывод: «Нет пределов ему, как Родине, // Он вечен, как Родина, – Навои».

Для Сирожиддина Саййида творчество Алишера Навои – высочайший литературно-эстетический маяк, критерий. Ориентируясь на эту высокую планку, поэт оценивает поэзию последующих периодов. Свои переживания, связанные с тем, что произведения многих современных авторов, увы, не представляют ценности в сравнении с творчеством Навои, поэт выражает так:

*Пусть льются мелодии от Хазрата Навои,
Да пребудут вечно живые звуки.
К замку мыслей, созданному им,
Придут обедневшие словом – нищие, как мы.*

В каждом стихотворении названного цикла неповторимыми красочными образами, современными художественными средствами поэт доказывает, что

творческое наследие великого предшественника является высоким образцом не только национальной литературы, но и мирового литературно-художественного процесса. В одном из стихотворений он выражает эту мысль образами каравана и караванщика:

*Караван поэзии идет из века в век, но
Нет такого караванщика, как Мир Алишер Навои.*

Аналогична идея стихотворения «Вечные имена»:

*Пока от Навои мелодии исходят,
Создан будет в мире новый мир.*

Сирожиддин Саййид призывает нынешнее поколение жить, следуя идеями Навои. И этот призыв приобретает высокую эстетическую ценность, трогая читателя до глубины души, так как озарен пылом сердца.

Счастье – следовать за Навои

Продолжать традиции А. Навои в классических поэтических жанрах совсем не просто, это высокий рубеж, который не каждому по силам. С. Саййид глубоко изучает наследие Навои, получая огромное наслаждение и неиссякаемое вдохновение от прочтения произведений великого предшественника. Он смело обращается к классическим лирическим жанрам, характерным для творчества Навои, успешно продолжая традиции великого классика:

*Средь цветника одна
осталась она, как роза,
Омочив крылья соловья
кровью моего сердца...
Никогда мне не будет надобности
в лезвиях меча и кинжала,
Пока свои реснички
возлюбленная вонзает в меня.*

Если не принимать во внимание несоответствие метрики в строке «*Никогда мне не будет надобности в лезвиях меча и кинжала*», невозможно не ощутить очарования, свойственного классическим газелям. Метафора «*кровь сердца*», образы «*розы*» и «*соловья*», триада «*меч – кинжал – ресницы*» замечательно используются для интерпретации оригинального художественного образа.

После Абдуллы Арипова и Эркина Вахидова Сирожиддин Саййид является, пожалуй, самым активным и искусным современным мастером таких классических жанров, как *газель* и *мухаммас* (пятистишие). Поклонников классической поэзии, безусловно, радует продолжение в газелях правнука-ученика философско-эстетической сути строк Алишера Навои: «*Для человека необходимо совершенство, // А по-иному говоря, горестное состояние*».

*Сгорел я в стонах и воплях влюбленных,
Сгорел в костре неисполненных желаний обители души.*

Газель поэта, начинающаяся этими строками, заслуженно высоко оценена и любителями поэзии, и людьми науки и искусства. Она стала классической песней в исполнении Народного артиста Узбекистана Шерали Джураева. Несколько лет назад, когда певец исполнял ее во Дворце дружбы народов, один из зрителей, сидевших рядом с Сирожиддином Саййидом, хлопнув его по колену, воскликнул: «О Навои!» Сам поэт считает для себя высшей наградой то, что его газель сравнивают с произведениями Навои. Действительно, газель отвечает всем требованиям классического жанра, отражая тончайшие нюансы чувств, отличаясь неповторимым лиризмом. Вот *шах-бейты* (бейты, которые выражают суть газели) еще одной классической газели поэта:

*Душа в этот день – в полную меру душа в этот день,
Каждое решение, каждый взгляд – проявление души в этот день.
Не осталось пространства для меня, кроме души,
Самое близкое мне и самое далекое от меня – душа в этот день.*

Сирожиддин Саййид – великий лирик, поэт души. В этом утверждении нет преувеличения. Искренность чувств и изящество фраз озаряют его стихотворения и придают значимость их поэтическому содержанию. Слово, по выражению Навои, точит камень, подобно воде, только тогда, когда найдет «утешение в свете истины». Искренность чувств, глубина мысли, совершенство образности – вот те художественно-эстетические факторы, которые характеризуют газели С. Саййида.

*В груди рыдает алый листопад,
Страдает от тоски душа в этот день.*

*Пусть не уходит осознание души, о Наставник судьбы,
Дай мне урок, мое учение – душа в этот день!*

*У людей скрыты камни за пазухой,
Единственное оружие – душа в этот день.*

Газель выражает состояние скрытой грусти. «*Пора души*» – метафора со скрытым глубоким смыслом. Поэт, нарисовавший плачущий алый листопад в своей груди, страдающий от тоски, хочет поучиться у Наставника судьбы, который бесчисленное количество раз переживал подобное. Есть много людей, прячущих камни за пазухой. Единственное оружие поэта против них – его душа. В этой газели описывается состояние, переживаемое С. Саййидом, которое может ощутить всякий человек. Каждый, кто прочитает эту газель, увидит в ней себя, свои ощущения, переживания, чувства. В этом достоинство произведения – как в зеркале, показать людям их чувства, переживания.

В сегодняшней нашей поэзии все более крепнет стремление выражать художественную мысль в классическом *арузе*¹. Однако поэтов, умеющих достойно писать в метрике аруза, можно пересчитать по пальцам. С. Саййид – один из усвоивших теоретические основы системы «аруз» и искусно творящий в ней. Его газели всесторонне отвечают требованиям этого жанра. Газель,

¹ Аруз (*араб.*) – система стихосложения, возникшая в арабской поэзии и распространившаяся в поэзии на фарси и тюркских языках. Ритмообразующим элементом в арузе является чередование долгих и кратких слогов, комбинация которых образует стопу.

начинающаяся строкой «Ты цветок из цветников», написанная на размер хаза-жи мусаддаси махзуф¹, убедительное тому подтверждение:

*Любовь – наука духа и души,
Каков же ты за гранью сей науки?*

*Ты посади росток в саду благодати,
Пока находишься за пределами савана.*

Посадить росток в саду благодати – значит оставить доброе имя. С самого раннего периода и до наших дней можно наблюдать, как в нашей национальной литературе творчески, художественно интерпретировалась эта вечная философская мысль. Безусловное достижение Сирожидина Саййида в том, что он смог облечь эту давнюю глубокую мысль в новое поэтическое одеяние.

*Проникни вглубь себя, проникни в душу,
Что будет там, за гранью тела и души?*

Отношения внутреннего и внешнего, душевного и телесного, наружного – одна из главных тем литературы во все эпохи. По словам Навои, человек может постичь суть только в том случае, если он «осознает сам себя». Похвально, что эта животворящая мысль умело интерпретируется в нашей современной поэзии.

*Путешествуй по Родине, о душа моя,
Нет Родины за пределами Родины.*

Новая поэтическая интерпретация принципа Накшбанди «Сафар дар ватан» («Путешествие по Родине») освещает сердца, окрыляет воображение. Душа и сознание вкушают аромат настоящей газели, истинной поэзии.

Время и жизнь быстротечны. Поэтому необходимо, чтобы человек не оставался ни на одно мгновение своей жизни в неведении, познавая мир, ценил время. Если не посвящать каждую секунду духовному совершенствованию (как это делали наши прадеды), жизнь человека потеряет смысл. Драгоценную жизнь нельзя приносить в жертву бесполезным делам, поверхностным увлечениям. В газелях поэт поднимает эти никогда не стареющие темы, перекликается с образцами классических газелей. Важно, чтобы вечные темы не просто поднимались, но искусно воплощались в художественной образности. В частности, поэт художественно воплощает постулат о том, что не стоит увлекаться внешними прелестями жизни, роскошью, это противоречит истинной сущности человека:

*Ты построил высокие роскошные дома,
от [великолепия] террасы кружится голова,
Вращается камень [угроза беды] над твоей головою,
но какова твоя цель и деяния твои?*

*Всю жизнь ты жаждал богатства,
смотри же, каково твое будущее:*

¹ Обозначение одного из размеров системы «аруз».

*Хотел ли ты спину согбенную, как даль¹,
куда денется состояние, тобой накопленное?*

Факторами, обеспечивающими лиризм этой газели, являются:

1) мысль, выраженная в эффектных поэтических словообразах и рифмованной прозе (*сажь*); 2) мастерски использованные поэтические фигуры (*таносуб* – синонимические ряды; *тазод* – противопоставления, антонимы; *ташбих* – сравнения, уподобления); 3) употребление риторических вопросов и обращений; 4) совершенная ритмика.

Поэт писал и пишет *фарды*². Сложность этого жанра в необходимости в кратком бейте выразить глубокий смысл в соответствии с высокими художественными требованиями. Чтобы достичь успеха, поэт должен вложить в несколько слов значительный смысл, знать поэтическое наследие великих классиков, владеть тайнами искусного выражения мысли, особенностями ритмической системы «аруз», чем великолепно владеет С. Саййид. Вот фард, подтверждающий наши слова:

*Творец если черную родинку нарисует на шее твоей,
Тогда придется принять ее гнет и моей шее.*

В первой строке слово «шея» используется в своем основном значении, а во второй – в значении «взять на себя». Этот пример свидетельствует о тонком понимании слова, отличном владении тайнами выражения художественной мысли.

*Зачем пришел ты в мир, не будучи с народом заодно,
Ты ни другим не помог вырасти, ни себя не возвысил.*

Выразительность данного фарда в искусном использовании *ирсоли масал*³. В фарде используется народная поговорка «Кто не может помочь себе, не делает ничего для другого». Трактовка поэтом этой поговорки специфична, обеспечивает высококую поэтичность и усиливает значимость мысли.

Возрождение поэтической традиции арбаин

Ценность жизни человека измеряется не количеством лет, которые он прожил, а уровнем познания Всевышнего, заслугами перед Отечеством и народом. Сирожиддин Саййид – поэт, постигший это с самого начала своего творческого пути. Это зримо проявляется в стихах, написанных в духе традиции *арбаин*, которой в тюркской поэзии положил начало А. Навои. Известно, что наставник С. Саййида Абдулла Арипов довел традицию написания стихов, передающих содержание хадисов, до высокого поэтического уровня. Цикл А. Арипова «Голоса мудрости» – своеобразная школа для поэтов, продолжающих эту традицию. Уроки творческой школы послужили основой для новых достижений в этой области. Цикл Сирожиддина Саййида «Сорок хадисов» свидетельствует,

1 Даль – буква арабского алфавита, графически напоминающая согбенную спину. Традиционная метафора в восточной поэзии.

2 Фард – отдельный бейт, короткое афористическое стихотворение, заключающее законченную мысль.

3 Ирсоли масал – прием использования пословиц, поговорок и мудрых слов в стихотворении с определенной целью.

что уроки учителя им усвоены. Открывается цикл муножатом Всевышнему:

*Перед Твоим порогом глаза мои влажны,
Теперь мне ясно, куда ведет мой путь.
Прости грехи моего отца,
Дай жизнь матери, мой Боже.*

О чем бы ни писал поэт, философия жизни выражается в красивой художественной форме. Осознание и раскрытие своей сущности и сущности жизни составляют основу творчества поэта. Шейх Ахмад Тарази описал муножат следующим образом: «Прощение прощения у Бога». Создавая муножат в духе покаянных стихов, Сирожиддин Саййид вспоминает своих родителей, как праведный сын: «*Прости грехи моего отца, // Дай жизнь матери, мой Боже*».

Еще одна родственная душа – сестра – человек, который желает добра и молит Всевышнего о благополучии близких. Наши любящие сестры всегда желают здоровья и Божьей защиты своим братьям. Они всегда молятся о духовном совершенствовании своих братьев. Вот почему сестры часто упоминаются в стихах С. Саййида, эти нежные создания сравниваются с душистым базиликом:

*Когда осознал я мудрость великую,
Мое сердце облилось кровью, плача.
Храни невредимыми, береги их, Всевышний,
Сестер моих, словно душистый базилик.*

Сирожиддин Саййид – поэт-патриот, всей душой любящий свой народ. Почти во всех его стихах говорится о любви к Родине и народу:

*Всевышний, береги наше достояние,
Не отвернись от народа, страны моей.*

Цикл «Сорок хадисов» начинается стихотворением «Властелин времени». Благословенный хадис «*Никогда не обижайтесь на время, // Только Всевышнему подвластно время*» интерпретируется поэтом следующим образом:

*В благодарность за месяцы и годы, которые дал вам Аллах,
Стоит быть украшением каждого мгновения.
Испокон веков для плохого человека время плохо,
Время хорошо – если ты сам хорош.
Каждого сопровождают душевные желания,
Благие цели сопутствуют всю жизнь.
Никогда не обижайтесь на время,
Только Всевышнему подвластно время.*

Содержание благословенного хадиса полностью выражено в последних двух строках. Шесть строк в начале подготавливают читателя к его пониманию. Быть украшением каждого мгновения – значит, ценить каждое мгновение своей жизни и быть благодарным за него. Чтобы времена были добрыми, нужно самому быть добрым, чтобы свет добра сиял в сердце. Человека, чьи намерения злы, дела которого злы, время не пощадит – он будет наказан за свои деяния. Судьба каждого зависит от его душевных намерений. Жизнь с благородной

целью – ключ ко всему хорошему. Такова философия жизни, отраженная впечатляюще образно.

С. Сайид передает содержание хадисов в стихах, сочетая глубокую философскую мысль с высокой поэтичностью, текст кажется легким и доступным. Но поэту для этого нужно было постичь философию жизни, глубоко понять суть хадиса и, наконец, суметь мастерски превратить его в произведение искусства. Хадис «Аллах прекрасен, любит прекрасное» поэт выражает так:

*Взгляни на состояние блещущего мира:
В нем прекрасны и закаты, и рассветы.
Всё – иллюзия, все временно,
Только Бог вечен, Бог прекрасен.*

*Он любит добрые деяния, знай,
Не восхищайся миром роскоши.
Если душа твоя прекрасна, нрав твой прекрасен,
Ты предстанешь пред взором Аллаха.*

Содержание благословенного хадиса превращается в художественное событие посредством высокой поэтичности, глубокой философии. Текста помогает читателю постичь глубинную суть жизненной мудрости: стремление к душевной красоте и высокой нравственности – истинная цель бытия.

Поэт собирает духовные сокровища в мире благословенных хадисов, обогащая духовную сокровищницу любителей литературы, превращая благотворные лучи хадисов в поэтические жемчужины. Сороковое стихотворение цикла посвящено поэтическому истолкованию благословенного хадиса «*Есть волшебство в словах и мудрость в поэзии*»:

*Слово – это краса и одеяние души человека,
Слово прекрасно, ведь в нем есть любовь.
Без причины Всевышний не подарит душе
Ни словечка, – значит, в слове есть волшебство.*

*Этот мир расцветает от благодеяний
До той поры, пока люди имеют душу и щедрость.
Каждый стих не создается напрасно. По сути,
В стихах есть мудрость, изреченная Пророком.*

С. Сайид – поэт, познавший чудо слова и мудрость творчества, превративший их в достояние души, в смысл жизни, преданный поэзии в каждое мгновение своего существования. Вот почему его стихи – воплощение мудрости и просвещения, поэтические жемчужины, побуждающие читателя к постоянному созерцанию жизни, размышлению о ее философии.

Тахмис – критерий мастерства

Ответственность за создание тахмисов на газели великого Навои тяжелее, чем гора. Если не осмыслить творческую концепцию великого предшественника, не постичь тайны классической поэтики в целом, легко прослыть недалеким и некомпетентным. Человеку, не чувствующему совершенства и

изящества слов Навои, глубоко не познавшему правил аруза, не стоит погордиться. Ведь к жанру мухаммас¹ предъявляются строгие требования: три авторских строки, связанные с газелями предшественников, должны быть как по философскому содержанию, так и по метрике и поэтическому мастерству настолько гармонично перекликающимися с бейтами газели, чтобы все пять строк давали ощущение, будто они написаны одним пером. С. Саййид успешно создает стихи в жанре мухаммас, присущем классической поэзии. Тахмисы, написанные к газелям Сабира Тирмизи, Лутфи, Хафиза Ширази, Атойи, Алишера Навои, Захириддина Мухаммада Бабура, Сидки Хандайлики, Аваза Отара-оглы, Мухаммада Шарифа Суфизаде, тазмин на один из бейтов Чулпана свидетельствуют о большом мастерстве поэта. Доказательством тому служат и тахмисы, созданные на десятки газелей А. Навои.

Особое значение имеют мухаммасы С. Саййида, полностью отвечающие критериям классического тахмиса. Последняя строфа мухаммаса, написанная на знаменитую газель А. Навои, убедительное тому свидетельство:

*Жизнь как корабль, дающий каждое мгновение гудки,
Поездка вдруг закончится на закате или на рассвете,
Превосходно, если мысль и разум наполнятся благом,
Если Навои обретет себе Родину среди хороших, что за благо!
Кто останется среди плохих, увя, тому плохо.*

Тахмис к газели Алишера Навои начинается с двустушия:

*Наша очарованная душа станет несчастной,
Придется ей скитаться в пустыне неприязни.*

В последней строфе поэт утверждает:

*Разрушишь свой замок, что строил всю жизнь,
Напишешь письма о трехдневной [т. е. скоротечной] жизни.
Отдались сутью своей от желаний души полностью...
Навои, не рассуждай слишком много о выходах:
Безвыходность – лучший выход из твоего горя.*

Создавать тахмисы к газелям поэтов-классиков, в особенности А. Навои, – работа, требующая от автора большой ответственности и высокого мастерства. «Навои, не говори слишком много о выходах: // Безвыходность – лучший выход из твоего горя» – в бейте великого мыслителя таким образом выражен огромный масштаб трагедии, постигшей лирического героя. Слова «безвыходность» и «выход» здесь выражают состояние духа человека, пораженного жестоким ударом судьбы, ее сложностями и противоречиями. Строки «Разрушишь свой замок, что строил всю жизнь, // Напишешь письма о трехдневной жизни» свидетельствуют о том, что в основу художественного образа трагедии Сирожиддин Саййид положил мысль Алишера Навои. «Отдались сутью своей от желаний души полностью». Эта строка – истинное поэтическое открытие.

¹ Мухаммас – строфическая форма в поэзии Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии. Каждая строфа строфа стихотворения состоит из пяти строк, из которых первые три принадлежат автору произведения, а последние две — цитата из какого-либо стихотворения. Своего рода толкование взятого за основу стихотворения.

Поэтическая интерпретация выраженного в ней смысла соответствует бейту Навои, как алмаз кольцу, что послужило углублению изображения трагедии, выраженной в бейте великого поэта. Такие строки не придумываются – их дарует Всевышний.

Нелегко написать тахмис к газели такого великого мастера, как А. Навои, на соответствующем уровне, но это удалось Сирожиддину Саййиду. Замечателен, вполне соответствует классической поэзии мухаммас, привязанный к известному тазмину А. Навои на газель Мирзобека, начинающуюся строкой «Беда – твои глаза черны». По всем признакам он отвечает статусу классической поэзии. Вот первая строфа мухаммаса:

*Кто очарован твоими бровями,
Тот оказался меж двух мечей,
В сердце остались две раны.
Беда – глаза твои черны,
Ты в душу пришла черной бедою.*

Влюбленный, очарованный бровями своей возлюбленной, словно оказывается меж двух мечей – образ удивительный, достойный Навои! Такой образ – результат вдохновения, дарованного Всевышним. Финал мухаммаса вполне соответствует поэтическому заключению Навои:

*Вся моя жизнь посвящена повествованию о любви,
И плач, и жалобы – такова любовь.
Бесконечна история прекрасной любви.
Пока Навои сочинял поэму о любви,
Между влюбленными появилась мелодия.*

Следует отметить, что для обретения высокого мастерства в написании тахмисов к газелям великого предшественника необходимо постоянно читать Навои, обдумывая каждое слово и фразу, каждый образ и символ, а главное – быть близким по духу великому классику. Сирожиддин Саййид в стихотворении «Точка зрения», задавая вопрос, кто есть поэт, приходит к выводу: «Это первый и вечный заместитель Мир Алишера». Такие строгие критерии к творчеству требуют от создателя новой поэзии, высокого мастерства и большой ответственности. Тот факт, что Сирожиддин Саййид в полной мере чувствует эту ответственность и безукоризненно соответствует высоким критериям в своем творчестве, показывает, что литературно-эстетическая основа его творческих достижений поэта прочна.

Перевод с узбекского НодирЫ ХАЛИКОВОЙ